

**Апробация предварительных результатов исследования по проекту РФФ.
Стенограмма. 21 августа 2019 г. Часть 2**

Выступление А. Д. Васильева

(Обсуждение выступления А. Д. Васильева)

Дарбаев А. Г.: У меня один вопрос и одно маленькое уточнение. Первое, вы упоминали хадж мусульман Центральной Азии. Имеются ли у Вас видение и данные о тех перевалочных пунктах, которые находились на территории Российской империи и Османской империи, и каковы были условия пребывания паломников в этих местах? Второй момент, небольшое уточнение о взаимоотношениях между ханами казахов и официальным Стамбулом. Есть ли такие сведения? Если есть, чего они могли касаться? Я лично знаю, что в 1713, 1714 и 1730 гг. еще посольства хана Каипа отправлялись в Стамбул. И послы Абулхайра, когда отправились с просьбой о подданстве, имели встречу с турецкими послами.

Васильев А. Д.: Спасибо, Азамат. Что касается маршрута и условий пребывания, то было несколько разных маршрутов до Мекки из Центральной Азии. Был маршрут через территорию Афганистана и Индии, был маршрут через территорию Ирана, был северный маршрут через Астрахань в Причерноморье и дальше через Стамбул в Аравию. Но, в зависимости от политической ситуации, какой-то отдельный из этих маршрутов мог быть более предпочтительным, чем остальные. Если говорить о XIX в., то здесь, мне кажется, наиболее выигрышным и наиболее предпочтительным был маршрут через территорию Российской империи до Одессы, из Одессы пароходами мухаджире переправлялись в Стамбул. В Стамбуле они могли какое-то время провести на территории этих узбекских или бухарских теке; из Стамбула уже централизованно шла отправка также пароходами до Мекки. Если говорить о более раннем времени, то здесь, как правило, в Стамбуле формировались караваны паломников, которые двигались в нужный месяц в сторону Мекки. Что касается условий пребывания, то, если посмотреть на структуру этих теке, там были и странноприимные дома, и кухни, и склады. Конечно, они были достаточно небольшими по своей территории, и, в принципе, могли вместить достаточно небольшое количество паломников. Конечно, если говорить о XIX в., то, наверное, условия там были не самые шикарные. Это была, кстати, одна из основных проблем для османских чиновников. По османским архивным документам видно, что размещение паломников, их обеспечение, снабжение и поддержка для Османской империи в конце XIX – начале XX в., были важной социально-гуманитарной проблемой. Что касается ханов казахов и Стамбула, действительно, есть (и они опубликованы) документы – дипломатическая переписка хана Каипа и султана Ахмеда III. Она касается посольства Аюки к султану. На мой взгляд – хан Каип просил османского султана не доверять хану Аюке – это была попытка дипломатического противодействия тому же Аюке. Эта переписка известна, она была опубликована, и посольство Аюки к Ахмеду III тоже было хорошо изучено. Во главе этого посольства стоял поволжский купец мусульманин.

Гезалова Н. Р.: Вы сказали, что на протяжении всего времени Османская империя считала Центральную Азию зоной своих интересов.

Васильев А. Д.: Я бы так не сказал. Политика Османской империи была достаточно прагматичной, на мой взгляд. Зоной своих интересов Османская империя этот регион не считала. Я бы даже сказал, что в XVI в. османские султаны гораздо лучше знали расклад политических сил в Центральной Азии, чем в XIX в. Есть очень интересные османские документы XVI в. об иерархии власти у шейбанидов. Где для султана специально было расписано (есть документ, он был опубликован мной) по каждому из городов Центральной Азии, кто хан и сколько он может выставить войска.

А в XIX в. это была достаточно прагматичная политика. Были очень интересные случаи, например, в 1819 году. Эмир Хайдар обратился к османскому султану с просьбой принять Бухару и Бухарский эмират под покровительство. Османы долго обсуждали, что делать: эта просьба их немного обескуражила. У нас здесь говорилось много о французском

колониальном опыте, и султан и его окружение в ходе обсуждения проблемы пришли к выводу, что, если принять Бухару, условно, в состав Османской империи (предположим на минутку, что это было бы возможно), то Османская империя получит такие же проблемы с Россией, как с Францией из-за Алжира и Туниса. Вот это сравнение Бухары и России с тем, как складывались отношения между Францией и Алжиром, Тунисом, очень четко прослеживается в османских документах. Об этом практически открытым языком говорится. И подход меняется только, наверное, в начале 70-х годов XIX в., когда османские чиновники понимают, что политика создания некой единой общности османских граждан, политика османизма как единого гражданства для всех, независимо от национальности, подданных Османской империи проваливается, и нужно искать какой-то противовес европейской экспансии, и это может быть только некая солидарность мусульман. Мне кажется, что вплоть до 70-х годов XIX в. откровенной оценки Центральной Азии как своей сферы влияния не было. Что-то похожее начинает происходить только начиная с 70-х годов XIX в.

Сайфулмаликова С. С.: А что Вы можете сказать об дипломатических отношениях Османской империи со среднеазиатскими ханствами?

Васильев А. Д.: Действительно, с Бухарой и Кокандом были очень оживленные дипломатические отношения. С Бухарой – практически с XVI в., с Кокандом – наверное, с начала XIX в. С Хивой были тоже, но менее оживленные дипломатические отношения. Я бы сказал, что в иерархии связей с Центральной Азией Хива стояла на последнем месте. И более-менее постоянные дипломатические связи, дипломатическая переписка с Хивой имеет место только в XIX в. Если говорить о XVI–XVII вв., там было буквально два или три случая, когда ханы Хорезма или ханы Хивы обращались к султану. Но я бы сказал, что в Стамбуле влияние Бухары было настолько сильным, что бухарским посланникам, особенно в XIX в., зачастую удавалось уговорить, убедить султанов и его приближенных в том, что Хива или тот же Коканд – это некий такой случай сецессии и их легитимность может быть под вопросом.

Байдаров Е. У.: В контексте Вашего доклада у меня такой вопрос. Можно ли говорить о так называемом турецком следе? Был ли этот турецкий след в событиях Анджианского восстания 1898 г.? Есть мнение, что существовали некие письма турецкого халифа и т. д.

Васильев А. Д.: Спасибо. Это очень интересный вопрос. Действительно, у российских властей были все основания полагать, что султан мог быть как-то связан с Анджианским восстанием. Тем более были эти письма, которые, кстати, по-разному переводились и интерпретировались теми переводчиками, которые были заняты в расследовании причин и обстоятельств восстания. Когда я работал в Османском архиве в Стамбуле, меня эта история очень интересовала, но я не нашел никаких прямых подтверждений того, что османская империя была как-то в этом заинтересована. По этому поводу у меня появилась собственная концепция событий 1898 г. Дело в том, что в 1896 г. султан выпускает ферман о перевооружении османской армии. В тот момент Османская империя была банкротом. Ее финансы находились под контролем Администрации оттоманского публичного долга, и единственный выход и возможность найти средства на перевооружение – это была широкая подписка и широкий сбор средств мусульманской общины всего мира. И вот эти известия о том, что султан вооружается, а в следующем 1897 г. победа султана над греками, они как такие круги по воде разошлись по всему мусульманскому миру, и очень часто приобретали характер каких-то преувеличенных слухов. И если посмотреть на те события, которые имели место в регионах мусульманского мира в этот короткий промежуток между 1896 и 1898 гг., то мы увидим беспорядки на Кавказе, вызванные как раз слухами о скорой русско-турецкой войне и о победе над неким белым христианским царем; мы увидим восстание в зоне пуштунских племен в 1897 г. в Британской империи, и мы увидим в 1898 г. Анджианское восстание. Поэтому я думаю, что напрямую султан мог и не быть связанным с этим, но события в Османской империи, имели такой широкий отклик по всему мусульманскому миру.

Мухамедов Ш. Б.: Может быть немного внимания можно уделить следующим вопросам. Исламский фактор. Мы знаем, что священные горда Мекка и Медина находились в

то время на территории Османской империи. И поэтому исламский фактор имел большое значение в том, что уже никого завоевывать не надо было, и вводить в сферу влияния. Потому что они уже были в сфере влияния исламского халифата, который в этот момент назывался Османской империей. То есть, здесь уже лишнего ничего делать не надо было – уже все было сделано. Здесь вопрос статуса. Я сам из Бухары, это город уникальный, Вы, наверное, тоже бывали в Бухаре. Город имеет и другое название – Бухоро-и-Шариф, Благородная Бухара. Это один из семи священных городов в исламском мире, который почитается за те или иные свои достоинства. Здесь большая история, я ее не буду раскрывать, она не связана с апробацией результата исследования по проекту РФФИ под руководством Дмитрия Валентиновича. Но Бухоро-и-Шариф подразумевал, что именно этот исламский город имеет особый статус, что, во-первых, его нельзя было завоевывать, нельзя было подчинять. И вы знаете, что Российская империя в 1867 г. пошла по этому пути – Бухара была оставлена в том виде, как была, то есть фактически были очерчены какие-то границы, куда войска не вошли. Это благодаря тому статусу, который имела Бухоро-и-Шариф.

Сто же касается Андижанского восстания 1898 г., восстания Дукчи-ишана, есть очень интересная версия. Я находил архивные материалы о том, что в принципе российская власть, то есть военный губернатор Ферганской области, его приближенные, в определенной степени знали, что дело шло к восстанию. Для меня было загадкой. Зная, что может быть восстание, почему не было адекватного ответа эти действиям? И здесь возникает еще интересный вопрос. Это волос Пророка, который рассылался халифами Турции в те или иные города. Вот я знаю, что недавно, несколько лет тому назад, в Чечню, в Грозный, такой волос Пророка был перевезен из Ташкента, и руководство республики сделали зиарат, они поклонились этому волосу Пророка. Поэтому турецкое влияние очень интересно. В 1907 г. после организации охранного отделения такие сюжеты очень четко отслеживались (я смотрел 416 фонд ЦГА Республики Узбекистан). Они описывали вообще взаимодействие Турции и Бухарского эмирата. Как Вы правильно говорите, это было больше на личностном уровне, но все-таки правительство Бухары, эмир и его окружение имели контакты с турецкими властями, но это, как говорится, уже другая история.

Васильев А. Д.: Действительно, Шухрат Бахронович, Вы очень важные темы затронули. И что касается статуса Бухары как священного для мусульман города, это очень важно. И для меня очень важно понять, как, например, бухарские улемы, бухарские ханы воспринимали Стамбул. Потому что если мы посмотрим, когда Бухара стала мусульманским городом, и когда Стамбул стал мусульманским городом. Конечно, с этой точки зрения, Бухара – более авторитетный мусульманский центр. И здесь очень интересно, что в дипломатической переписке, которая есть, очень часто местные правители используют по отношению к османскому султану термин кайсери рум, то есть правитель Рима. Если мы посмотрим Шеравдамэшахи, где говорится опосредованно об участии османских контингентов в междоусобной борьбе шейбанидов, там они называются лошкари рум. То есть, мне кажется, что Османскую империю прежде всего ассоциировали с наиболее крупной, наиболее сильной и полностью независимой от европейцев мусульманской державой. Да, действительно, султан контролировал Мекку и Медину, султан обеспечивал безопасность хаджа, вернее, пытался – в начале XIX в., может быть, это было сложно из-за восстания ваххабитов – но тем не менее пытался как-то обеспечивать безопасность караванов паломников. И все-таки интересно, как воспринималась османская элита, воспринимались ли они действительно как настоящие мусульмане, но это тема отдельного доклада.

Бегалиев М. М.: У меня такой вопрос. Что Вы можете сказать о роли тюрко-мусульманских интеллектуалов второй половины XIX – начала XX в.? Тот же Исмаил Гаспринский, Ахмед-Заки Валиди Тоган. Последний даже переехал в Османскую империю. Как они влияли на политику Османской империи не только в мусульманской части внутренней России, но и, в частности, в Центральной Азии, в Туркестане.

Васильев А. Д.: Конечно, они оказывали большое влияние. Дело в том, что, на мой взгляд, во второй половине XIX в. османские султаны и османское общественное мнение

было в общем-то не очень хорошо осведомлено о том, что происходило в Центральной Азии. Вы знаете, есть в Османском архиве в Стамбуле очень интересная пухлая папка, которая называется «Проблемы Центральной Азии». И я долго не мог ее получить. Это меня заинтриговало, я думал, что ее специально от меня прячут, и что там скрыты все тайны Османской политики в отношении Центральной Азии. Но когда я ее наконец-то получил, там оказались вырезки из газет, публикации, причем в основном англоязычной прессы. То есть, да, конечно, они оказывали определенное влияние, но я бы не стал его преувеличивать.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил руководитель проекта Д. В. Васильев)

В своем сообщении автор предпринимает попытку анализа периодизации и содержания отношений Османской империи с государствами и народами Центральной Азии. Ценностью исследования является анализ роли «внерегионального игрока», который, тем не менее, существенно влиял на расстановку сил в регионе. Несколько выходя за хронологические рамки обсуждения (XVIII–XIX вв.), эксперт, тем не менее, действительно выстраивает четкую хронологию и прослеживает динамику отношений Османской империи с центрально-азиатскими государствами. Результаты его исследования представляют интерес для таких направлений развития проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» как международная политика Османской империи и особенности ее центрально-азиатского аспекта (О.О. Лисенков), специфика правового статуса центрально-азиатских правителей как «духовных вассалов» османского султана – халифа всех мусульман-суннитов (Р.Ю. Почекаев), учет «османского фактора» в российской имперской политике в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. (С.А. Асанова, Д.В. Васильев). Также весьма перспективным видится сотрудничество с экспертом, имеющим опыт работы с османскими архивными источниками.

Выступление участника проекта РФФ О. О. Лисенкова

(Обсуждение выступления О. О. Лисенкова)

Васильев А. Д.: У меня такое соображение. Мне кажется, что в Османской империи политика Германии строилась вокруг концессии на строительство железной дороге «Берлин-Бизантиум-Багдад» и всего, что с ней было связано. С этой точки зрения Центрально-Азиатский регион был просто логистически трудно доступен. Второе. Недавно у меня вышла публикация мемуаров одного царского офицера, который как раз служил в Закаспии. У него есть интересный эпизод. Он говорит, что Куропаткин, когда он был губернатором Закаспия, упустил или недосмотрел и допустил в край немецкую колонизацию. И когда началась гражданская война, неожиданно выяснилось, что горная полоса Туркмении населена немецкими колонистами, которые плохо говорят по-русски, и которые, в общем-то, являются таким немецким проэлементом. Не встречалась ли Вам такая информация, насколько это, действительно, соответствует истине или нет?

Лисенков О. О.: Я в своем докладе основывался в основном на диссертационной работе отечественного историка Владимира Ряполова. А если брать иностранных авторов, то в основном об этом пишут английские и американские историки. Как раз у американского историка В. Смита отдельная книга посвящена столкновению европейских держав в Центральной Азии. Он отмечает, что да, конечно же, там были немецкие поселенцы, но их было очень мало, и в целом это реализовывалось, скорее, как такой экспериментальный проект. В целом же вообще в Германии внешняя политика обосновывалась двумя идеологическими концепциями. Первая, это экономический колониализм, вторая – переселенческий колониализм. Согласно концепции переселенческого колониализма предполагалось, что немецкие граждане на заграничных территориях ведут фермерские хозяйства и таким образом реконструируют традиционное аграрное общество, приносят культурный элемент на эти территории. Но, к сожалению, В. Смит очень мало об этом пишет, буквально в одном параграфе у него упомянуто, что такие попытки были, предпринимались, но без конкретизации.

Почекаев Р. Ю.: Олег Олегович, Вы сказали про немецких ученых, которые были в Центральной Азии, собирали информацию, которая потом использовалась, собственно говоря, в том числе и для создания военных планов.

Лисенков О. О.: Ученых практически не было.

Почекаев Р. Ю.: Собственно говоря, вопрос именно с этим связан. Был ли смысл в этих ученых, если Центральную Азию изъездили вдоль и поперек англичане, французы и русские. Книги печатались на европейских языках, немцам они были доступны. Немцы вряд ли могли найти там что-то новое. Если даже и было, то, скорее всего, это не было политикой Германской империи.

Васильев Д. В.: У меня тоже есть маленький вопрос. А были ли вообще – Вы говорили о колониальной практике Германии – какие-то идеи, планы, пусть даже несбыточные проекты? Например, а почему бы нам не захватить Центральную Азию и мы бы тогда сделали город-сад или фабрику-кухню...

Лисенков О. О.: Как таковых крупномасштабных проектов не было. В целом в духе немецкого колониализма предполагалось использовать эту территорию как плацдарм для дальнейшего противоборства с Великобританией.

Васильев А. Д.: Дмитрий Валентинович, у меня небольшая ремарка в ответ на Ваш вопрос. В общем-то, были такие планы накануне Первой мировой войны. Индийские революционеры обратились в немецкий генеральный штаб. У них был там целый план мероприятий по переносу военных действий на территорию Индии, на территорию Афганистана, в меньшей степени, наверное, на территорию Центральной Азии. Такие планы были, но здесь ключевым звеном был Афганистан, с территории которого планировалось вести подрывные действия, прежде всего, против Британской Индии, ну и в меньшей степени против Российской империи. В общем-то, какие-то попытки были там. Пытались в Синьцзян залезть. И вот, кстати, Олег Олегович сказал, что планы не осуществились благодаря

деятельности российских спецслужб. Действительно, наверное, это так. Но я хочу сказать, что документы российских спецслужб этого периода просто панические. Пишут, что турки, немцы сыплют деньгами, что вот-вот поднимется...

Васильев Д. В.: Совершенно верно. Я хотел перекинуть мостик, Сергей Дмитриевич не даст соврать, немцы активизируются в Иране, несмотря ни на что, где-то с конца 1880-х годов. И они именно своими деньгами пытаются проторить свою дорогу в регион. И даже британцы, мне кажется, уступают им в этом отношении.

(Экспертная оценка со стороны приглашенных исследователей-экспертов по докладу, статье члена научного коллектива по проекту РНФ О. О. Лисенкова. Озвучила эксперт Т. В. Котюкова)

Автор поднимает крупный и важный вопрос, по своей сложности и масштабности определенно достойный отдельной монографии (если не нескольких), в сравнительно небольшой по объему статье и в своем выступлении ему успешно удалось в общих чертах и рассмотреть основные немецкие концепции колониализма, и дать краткий, но вместе с тем вполне объемлющий анализ главных направлений политики Германской империи в Центральной Азии в XIX в., причем автор не обходит вниманием ни переселенческую политику, ни вопрос военного сотрудничества, ни даже этнографические исследования немецких ученых, проводимые ими в этом регионе.

Но бросается в глаза и крайне озадачивает полное отсутствие любых работ немецких авторов. В выступлении и в статье автор цитирует российских и американских авторов и даже одного нидерландского исследователя, но напрочь обходит стороной ученых собственно немецких. Это несколько снижает общее положительное впечатление от работы. И даже упоминая о колонизаторских немецких концепциях, основанных на идеях Фридриха Листа, Ганса фон Гагерна и Роберта Фон Моля, автор не приводит ссылок на сами труды этих ученых и общественных деятелей, предпочитая обращаться к более поздним – и притом не немецким! – исследователям, писавшим на эту тему. В будущем автору, если он планирует развитие этого научного исследования (что представляется весьма перспективной задачей), совершенно невозможно будет обойтись без обращений к работам немецких ученых.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил участник проекта С. И. Ковальская)

Сообщение посвящено проблеме участия в международных отношениях в Центральной Азии политического игрока, чья роль в истории региона слабо изучена – Германской империи. Автор анализирует историографию вопроса (весьма немногочисленную, стоит отметить), планы германских властей и деловых кругов в регионе. Положительным моментом исследования является вписывание интересов Германии в Центрально-Азиатском регионе в глобальную восточную политику этой империи, в которой преобладали экономические аспекты, в частности – развитие транспортной инфраструктуры и трансконтинентальной торговли. Результаты работы могут представлять интерес для других участников проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.»: в частности, привлечение дополнительной исследовательской литературы о международных отношениях в регионе (С.И.

Ковальская), влияние немецкой агентуры на состояние религиозных и политических настроений в Туркестанском крае (С.А. Асанова, Д.В. Васильев).

Выступление участника проекта РФФ С. И. Ковальской

(Обсуждение выступления С. И. Ковальской)

Васильев А. Д.: Светлана Ивановна, Вы несколько раз упомянули Коканд и кокандского хана. Скажите, пожалуйста, какой в итоге у него был статус в глазах цинских властей, и как вообще воспринимались кокандские ханы с точки зрения цинов.

Ковальская С. И.: К сожалению, тут не смогу Вам ответить однозначно, потому что не занималась этим вопросом. Их позиция была более низкой в сравнении, например, с казахскими ханами. Это можно увидеть по ритуалу приема: их держали месяцами, по полгода и даже по году на границе. Что касается статуса, это нужно отдельно смотреть.

Почекаев Р. Ю.: Есть книга «Империя и ханство».

Васильев А. Д.: Знаю эту книгу, автор Лаура Ньюби.

Почекаев Р. Ю.: В этой книге как раз очень хорошо показано: там было даже ущемление сюзеренитета Цинской империей в отношении некоторых регионов в пользу Кокандского ханства.

Ковальская С. И.: Возможно. Я опиралась только на работы наших казахстанских авторов. Если продолжить эту тему, наверное, для себя я сделаю тоже немало открытий.

Васильев А. Д.: Роман Юлианович, там просто было условие, о котором договорились Коканд и Цинская империя – что Коканд не выпускает в Кашгар хаджей. Мне поэтому было это интересно.

Почекаев Р. Ю.: Есть комментарий. Честно говоря, мне не очень нравится употребление термина «институт» к некоторым понятиям, о которых Вы говорили. Династический брак и титулование – это не институты, как мне кажется. Вассалитет, аманатство – тут безусловно, без проблем. А вот династийный брак, титулование – это дипломатические инструменты, но никак не институты.

Ковальская С. И.: Я пыталась найти, понимаете, ответ на простой вопрос, а ответа нет. Что же такое дипломатический институт, перерыла что могла, а в итоге пришлось просто обратиться к словарям, которые говорят, что это некое собрание норм права.

Почекаев Р. Ю.: Совершенно верно. Но какие собрания норм права по поводу династийного брака? Мы как раз советовались с коллегой юристом и не смогли обнаружить здесь никаких норм права.

Ковальская С. И.: Давайте напишем статью на эту тему и определим, поставим все точки над «i», что можно считать институтом, а что нет. Я пока не могу на это ответить.

Почекаев Р. Ю.: Собственно вопрос, уточнение. Вы сказали, что до какого-то периода Китай в обмене дарами должен был отдавать в разы больше, демонстрируя свою мощь, силу и все прочее, а потом наоборот стал требовать больше дани и возвращать меньше даров, обратных подарков и т. д. Это Вы говорили о каком периоде и каком регионе?

Ковальская С. И.: Речь идет о XVIII – XIX вв., и Китай все-таки оставался приверженцем того, что он должен в разы больше давать, но старался уже этот вопрос регулировать и ограничивать те подношения, на которые ему бы не хотелось...

Почекаев Р. Ю.: Нет, Вы сказали, так: дани стало больше, даров стало меньше. Это в отношении Монголии было актуально. Но Вы не упомянули, что это про Монголию. С казахами такого не было, с них дань не брали в принципе. Поэтому я уточняю.

Ковальская С. И.: Тут интересная история, потому что Китай многие вещи фиксирует формально, а фактически их не реализует. Например, дает титул вана, но достаточно только того, чтобы ты не конфликтовал и сохранял спокойствие. Допустим, территории считает своими, но при этом не строит ни города, ни крепости, в отличие от Российской империи. Но это не мое собственное исследование. Это историография. Я показала как это изучено у нас. Изучено пока слабо. Каждый институт изучен крайне неравномерно. Сейчас идет прорыв в области изучения института аманатства, спасибо Гульбану Болатовне. Будем ждать, что и другие сюжеты также получает продолжение.

Васильев Д. В.: Светлана Ивановна, я пропустил самое важное. Титулование – это просто перечисление всех титулов или это процедура приема посла, зависимого правителя?

Ковальская С. И.: Это все-таки шаг признания определенного статуса.

Васильев Д. В.: Если это процедура приема зависимого правителя, то это близко к институту, мне кажется.

Ковальская С. И.: Там был целый ритуал. И давался представителям только правящих домов. Можно было, конечно, прийти ко двору и сказать, что я представитель правящего дома, и кого-то обмануть. Такие случаи были. Но чаще всего были ситуации, когда выступали члены только правящего дома, находящиеся по отношению к Китаю на более низкой ступени.

(Экспертная оценка со стороны приглашенных исследователей-экспертов по докладу, статье члена научного коллектива по проекту РНФ С. И. Ковальской. Озвучил эксперт Ш. Б. Мухамедов)

С. И. Ковальская достаточно масштабно и полно анализирует основные работы казахских авторов трех последних десятилетий, посвященные различным дипломатическим институтам в Центральной Азии в XVIII–XIX вв. Вместе с тем название доклада, статьи способно несколько ввести в заблуждение, поскольку в нем упоминается просто о «историографии вопроса». На наш взгляд, более соответствующим содержанию было бы указание в заголовке статьи на тот факт, что речь пойдет именно о современной казахской историографии.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил участник проекта Р. Ю. Почекаев)

Сообщение посвящено отражению в исследовательской литературе ряда дипломатических институтов, использовавшихся в практике выстраивания и поддержания международных отношений между народами и государствами Центральной Азии – таких как династические браки, дары и дань, аманатство, титулование, вассалитет. Сообщение производит крайне противоречивое впечатление. С одной стороны, автор смешивает совершенно разные категории, рассматривая в качестве дипломатических институтов (и даже норм международного права) такие чисто «технические» средства, как династические браки и титулование. Кроме того, опора исключительно на «классические» труды и современную казахстанскую историографию без учета новейших российских и западных работ по данной тематике также приводит к несколько «однобоким» и не всегда достаточно проработанным трактовкам и выводам. С другой стороны, автор поднимает весьма важный аспект международных отношений, несомненно, заслуживающий дальнейшей проработки, равно как имеет ценность характеристика новейших исследований казахстанских ученых по выбранной тематике. Весьма перспективным видится совместная работа автора сообщения по данному направлению с другими участниками проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» (Д.В. Васильев, С.Д. Васильев, Р.Ю. Почекаев, И.В. Тутаев).

Выступление Ш. Б. Мухамедова

(Обсуждение выступления Ш. Б. Мухамедова)

Лысенко Ю. А.: У меня небольшой вопрос. При работе с источниками я как-то встретила донесение чиновника особых поручений МВД, который был направлен в Бухарский эмират с целью выяснения вопроса: есть ли младобухарцы в Бухаре как партия или нет. В связи с этим он встречался с нашим политическим агентом в Бухаре, который на вопросы Наумова разводил руками, делал удивленное выражение лица и говорил: «Если я что-то на базаре и слышал, то это совершенно не обоснованные рассуждения. Младобухарцев нет, они ничем Российской империи, Туркестану не угрожают». В связи с этим вопрос. Как Вы считаете, насколько, действительно, наши политические агенты владели информацией о том, что происходит в Бухарском эмирате, насколько их бухарские эмиры допускали.

Мухамедов Ш. Б.: Можно встречный вопрос? О каком годе идет речь?

Лысенко Ю. А.: Речь идет о событиях сразу после 1910 г. Его направили выяснить ситуацию, насколько младобухарцы с турками сотрудничают, весь спектр вопросов.

Мухамедов Ш. Б.: Очень хороший вопрос. Вы знаете, читая эти донесения, протоколы совета Туркестанского генерал-губернатора, можно увидеть, там рассматриваются эти вопросы. Вчера Татьяна Викторовна Котюкова рассказывала об игнорировании ислама, о том, что происходило в Туркестане. В моей книге это есть, Вы, может быть, читали, когда было три попытки организации духовного управления мусульман в Туркестанском генерал-губернаторстве. Они закончились неудачно. В 1884 первый раз, потом в 1898–1902 гг. – вторая попытка и третья попытка – 1908 г. Тогда были попытки создать Духовное управление мусульман в Туркестане. Эти три попытки окончились фиаско. Причем не из-за того, что местная элита не хотела создавать духовное управление, а потому что в Санкт-Петербурге посчитали: зачем дразнить гусей, пусть идет так, как идет. На одном из заседаний тоже говорили на эту тему – о бухарском правительстве. И в 1910 году как раз был приглашен местный представитель. И этот представитель был не всегда информирован о том, какие процессы происходили в самой Бухаре. Даже тот факт, что в 1910 году, когда была, образно говоря, суннито-шиитская резня, к представителю было много замечаний по этому поводу, как он это не заметил. Ему и МИД, и все остальные инстанции говорили: «Как Вы проглядели? Как Вы допустили? Бухара же под протекторатом. Каким образом Вы могли пропустить этот момент?». Было введено небольшое количество войск, все успокоили. Куда смотрел дипломатический чиновник, представитель политического агентства? Какой будет ответ на заданный мне вопрос? На мой взгляд, бухарский эмир и его окружение или уже наловчились работать с политическим агентством так, что в нем ничего не знали. Откуда мог получать информацию политический агент? Естественно, у него должна быть некая агентурная сеть в самой Бухаре. Знаменитый Мулла Икромча, который в 1906–1907 гг. уже открыл джадидидские школы и преподавал по новому методу Исмаила Гаспринского (хотя там, конечно, не был введен русский язык, но некие светские дисциплины были включены в программу). Политический агент не знает, кто этот Мулла Икромча, что вообще там происходит. Поэтому я считаю, что, скорее всего, надо посмотреть инструкции МИДа политическим агентам. Мы с вами видим, какие обязанности перед ними стояли, надо было знать состояние Бухары, в частности, старого города. А здесь, получается, они знали все, что вокруг Бухары: строительство железных дорог, взаимоотношения и т. д. Я бы не сказал, что здесь была частая сменяемость руководителей политического агентства. Возможно, их компетенция была в чем-то ограничена. Может быть, мы не все источники знаем. Может быть, МИД не разрешал им оглашать все детали и подробности того, что происходило. Может быть, это была сугубо специфическая информация.

Котюкова Т. В.: Несколько реплик в связи развернувшейся дискуссией. На мой взгляд, дипломатические чиновники вообще, само Министерство иностранных дел было самым компетентным из всех ведомств, которые имели отношение к Туркестану. Второй момент. Очень многое зависело от сложившихся и не сложившихся личных отношений

между дипломатическим чиновником и генерал-губернатором. Это играло очень серьезную роль. В этом вопросе я не могу с Вами до конца согласиться, что генерал-губернаторы были иногда не информированы. На мой взгляд, это была та ситуация, когда категорически не сложились личные отношения. Потому что генерал-губернатора утверждал государь император, Военное министерство его предлагало. Дипломатического чиновника тоже утверждал император, но предлагал его МИД. Поэтому эта ведомственная конкуренция существовала и была сильной. Если мы смотрим на ситуацию последнего генерал-губернатора и последнего дипломатического чиновника Миллера, то была прекрасная взаимосвязь, великолепное взаимодействие. А Куропаткин был информирован блестяще. Его информируют. Это являлось недопустимым с точки зрения административной этики – не поставить в известность туркестанского генерал-губернатора. Как правило, смотришь на документы – отпуск, копия – они обязательно направлялись к генерал-губернатору. Другой был момент. Иногда этот момент манкировался, обходилась, и, действительно, генерал-губернатор оказывался в такой информационной изоляции, либо дипломатический чиновник оказывался в такой изоляции, если у них не складывались взаимоотношения. Еще один, третий момент. Может быть, это тоже будет интересно. Дело в том, что был поднят вопрос, примерно в те же годы, о которых мы сейчас говорим – 1908, 1909, 1910, – о создании специальной службы, которая соединяла бы в себе некий поток финансирования, который шел дипломатическому чиновнику и на созданному в 1907 г. туркестанскому охранному отделению. Допустим, революционеров в Центральной России они ловили хорошо, в когда попадали в Туркестан, вообще терялись, потому что тут была другая специфика. Революционеров здесь было немного, но охранку бросали на пантюркизм, исламизм. Агентурная сеть – это деньги, информированные люди, знание языков, погруженность в материалы, местную специфику. Поэтому генерал-губернатор высказал такое предложение: объединить эти два финансовых потока, создать одну работоспособную структуру, которая действительно могла бы работать. На эти деньги содержать грамотную филерскую сеть, не просто какого-нибудь базарного торговца, который, действительно, передавал базарные слухи, нуждающиеся в перепроверке, а людей, поставляющих качественную исходную информацию, с которой потом можно было работать. Это все опять же к вопросу полной недофинансированности Туркестана.

Мухамедов Ш. Б.: Такой орган был создан?

Котюкова Т. В.: Нет. Шла гигантская переписка, во всяком случае документы Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива об этом свидетельствуют. Я в книге написала целый раздел, который был посвящен тому, как этот вопрос начался, развивался и тупиком закончился. Закончился он ничем. То есть все остались при своих: охранное отделение – при своих деньгах и своей некомпетенции, дипломатический чиновник – при своих финансовых возможностях, и, безусловно, лучшей подготовке и компетентности сотрудников, которая работала. А вот в период восстания 1916 г. это прорвало, показало, какие угрозы несет отсутствие объективной исходной информации. Тут уже Куропаткин активно присоединился как третье действующее лицо в виде туркестанского генерал-губернатора. Так что здесь, мне кажется, личностный момент иногда играл роль.

Мухамедов Ш. Б.: Я понял Ваше замечание. Личностный момент всегда играет большую роль. Наверное, и далее, пока существует человечество, он всегда будет играть роль.

Васильев Д. В.: Коллеги, мы говорим о личностном факторе, но чтобы сказать, был он или нет, мы должны рассмотреть все личности и все сюжеты.

Мухамедов Ш. Б.: Очень хорошая реплика, я хочу ответить на нее, это моя точка зрения. Во-первых, до 1882 года, до смерти фон Кауфмана, фактически эту всю миссию он на себе тянул. Он прекрасно знал положение и за рубежом и внутри. После смерти уважаемого К. Кауфмана, когда пришел М. Черняев и другие, эта внешнеполитическая, в первую очередь, компетенция была снята. Полноправным государем регионального масштаба был только фон

Кауфман. Все остальные туркестанские генерал-губернаторы такой обязанностью, такой прерогативой не наделялись. Это раз. МИД никогда не вмешивался во внутренние дела Туркестана. Почитайте протоколы Совета туркестанского генерал-губернатора. Там МИДа вообще нет. МИДовские документы шли своим путем. Здесь пересечений не было. МИД и МВД – пересечений не происходит. Революционеры, о которых Вы говорите, РСДРП, анархисты, бундовцы, все остальные партии, о которых я читал (фонд 461 царской охраны в ЦГА РУз), там не было там вообще никакого влияния МИДа. МИД идет своим путем. Поэтому я говорю, что на сегодняшний день очень важно поднять МИДовские документы. Посмотреть, как на самом деле происходило, эту кухню посмотреть. Насколько она открыта-закрыта, я не знаю, но они требуют своего рассмотрения. Я вам приведу один маленький пример. Вот в 1898 г., когда готовилось, скажем, Духовное управление мусульман, три года велась большая работа. Три года шла переписка с МВД, с руководством, с военным ведомством. В МВД было подразделение – Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Вот с двумя-тремя ведомствами постоянно шла переписка. МИД там абсолютно не присутствует, в эти дела не вмешивается. И поверьте мне, протоколы Совета туркестанского генерал-губернатора – это протоколы туркестанской жизни, зеркало Туркестана. Но МИДовских вопросов мы там фактически не видим. Иногда созывались особые совещания, в которых участвовали туркестанские генерал-губернаторы. Туда приглашались по тому или иному поводу дипломатический чиновник или представитель Бухары, политического агентства, или же руководитель Амударьинского отдела докладывать те или иные сюжеты.

Васильев Д. В.: Насколько я помню, в прерогативы Совета генерал-губернатора международные отношения вообще не входили. То есть эта функция действительно была отделена.

Мухамедов Ш. Б.: Было предложение создать некую разведку, о которой говорила Татьяна Викторовна. Я об этом писал, это третья попытка создания духовного управления мусульман, которое должно было выполнять и разведывательную функцию внутри Центральной Азии. Это идея В. Мустафина, правителя генерал-губернаторской канцелярии. Это была его идея – объединить структуры, объединить все потоки информации. Он говорил на совещании, что все разрозненно, дипломатические чиновники своими делами занимаются, охранное отделение занимается своими вопросами, а мы не владеем всей полнотой картины. Это из документа особых совещаний. МИДа там вообще близко нет, категорически.

Васильев А. Д.: В продолжение этой интересной дискуссии хочу добавить вот что о младобухарцах, их связях с турками. Самыми информированными ведомствами, на мой взгляд, были Департамент полиции и МИД, потому что в МИД стекались данные от консулов. Например, в Эрзуруме, Трабзоне, Стамбуле о том, кто получает паспорта, кто просит въехать, в какие регионы Туркестана эти люди едут. Точно также, если посмотреть документы Департамента полиции уже после 1910 г. (в 1912–1913 гг.), можно найти очень много фактологического материала. Иногда доходит до смешного, когда пишут, что есть младобухарцы, младохивинцы, младоафганцы, а недавно мы открыли еще скрытую ячейку младококандцев, и особая гордость, что у нас есть ее фотографическая карточка. Мне кажется, что МИД и Департамент полиции были самыми информированными. Но здесь, на мой взгляд, есть такая проблема, что очень часто этот жупел турецкой угрозы использовался для того, чтобы скрыть какие-то свои промахи. Здесь очень важно, мне кажется, отделять реальность от каких-то вымыслов, которые скрывали реальные просчеты.

Мухамедов Ш. Б.: Согласен.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил участник проекта С. К. Удербоева)

Автор предпринимает попытку раскрыть специфику дипломатических контактов России со среднеазиатскими государства – Бухарским эмиратом и Хивинским ханством в период их пребывания под российским протекторатом. Как представляется, сообщение носит слишком общий характер и содержит

множество широко известных сведений, возможно автору следовало бы сосредоточиться на меньшем числе аспектов и фактологическом материале, но проанализировать их более широко и с привлечением большего числа источников. Вместе с тем, сама проблематика полностью вписывается в тематику проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» и может получить развитие в ряде направлений в его рамках: особенности и динамика выстраивания отношений властей Туркестанского края с протекторатами (Д.В. Васильев), их правовое регулирование (Р.Ю. Почекаев), также видится перспективным дальнейшее взаимодействие с экспертом с целью оперативного отслеживания новинок историографии по тематике научного проекта, выходящей в Узбекистане (С.И. Ковальская).

* * *

Васильев Д. В.: Коллеги, у нас осталось немного времени для дискуссии. Я о терминологии. Завоевание, присоединение, какое слово больше подходит для определения проникновения Российской империи в Центральную Азию? Опуская рассуждения о гражданской ответственности историка, мы должны называть вещи своими именами. То есть где завоевание, там завоевание. Мавераннахр завоевывали, и что тут скрывать. Что касается Казахстана, здесь, по-моему, уже договорились, во всяком случае, на нашем берегу Урала договорились, что что-то там присоединили, что-то завоевали. Другое дело, что, может быть, на другом берегу существуют какие-то иные течения, настроения. Может быть, не все всех устраивает. Но, как-то один известный казахстанский политик сказал: «Давайте писать историю так, чтобы нам не было стыдно в ста километрах от казахстанской границы». На первом даже?! Вот о чем я хотел сказать. Все-таки меня беспокоит вопрос, справедливо ли мы с вами называем Центральной Азией бывшие пять советских республик, современные молодые государства региона? Ведь, по идее, термин Центральная Азия родился как политический. Можем ли мы с вами как историки, этнологи, политологи, юристы использовать термин Центральная Азия, отбрасывая из него географически относящийся к нему Афганистан, Северный Китай, часть Персии? Давайте порассуждаем, хотелось бы услышать точки зрения.

Шлапентох Д. В.: Я хотел бы, со свойственным мне постмодернистическим цинизмом, исходить из того, что термины завоевание, присоединение зависели от политической культуры России. В Советском Союзе, а я, может быть, самый старший из здесь присутствующих граждан, поэтому я хорошо помню советский период, вообще на нашем истфаке МГУ (тоже закончил истфак), там не было никаких завоеваний. Национал-большевизм позднего брежневизма шел по линии такого умеренного центристского славянофильства. Везде все присоединялось. Присоединялась Украина, Сибирь, Казань. Русский народ выступал в данном случае как защитник, как культуртрегер. Завоевание практически из лексикона исключалось. Завоевывали там, на Западе. А вот мы никогда никого не завоевывали, всегда относились ко всем по-братски, хорошо. Тех, кто исходили из других моделей, например, в позднем сталинизме, как я говорил, казахский соратник Берштама, который писал книжки о том, что восстание казахов было не против царской империи, а практически против России, он кончил очень скверно: 25 лет тюрьмы, и только смерть вождя спасла его от дальнейшей отсидки. Сейчас, после крымской компании, идея империи как силы, отсюда идея завоевания, постепенно приобретает некую идеологическую легитимность. Да, конечно, Запад в десять раз агрессивней, да, у него Иран, Афганистан и вообще у него louder list прегрешений, но мы тоже, знаете, не мягонький и пушистенский Винни-Пух. Если надо, мы даже и превентивно можем ударить, поэтому лучше нас не трогать. Отсюда такое компромиссное отношение к идее завоевания и присоединения. С другой стороны, если мы смотрим на бывшие союзные республики, им

необходима идея завоевания, потому что без идеи завоевания – а зачем они отделялись, зачем боролись, если старший брат являлся на самом деле братом, а не злодеем, бабушкой, а не волком, зачем вообще надо отделяться... Поэтому идея завоевания, та, что в советский период просто отрицалась, превратилась в необходимый компонент идеологии большинства республик бывшего Советского Союза. Вот я, например, здесь в историческом музее хотел найти XIX в., что-то из советского периода – на реконструкции. Думаю, реконструкция будет продолжаться очень долго. Потому что если Советский Союз — это голодомор, ужасы, террор, то раздражать слишком сильно Москву не надо. С другой стороны, если строились заводы, дворцы, пароходы, зачем отделяться. Поэтому, чтобы никого не смущать, решили музейные залы закрыть на ремонт, который будет продолжаться многие, многие годы.

Васильев Д. В.: У меня какой-то другой бэкграунд, я по-другому вообще смотрю на свою жизнь, на свое бытие. Мне достаточно комфортно, где я есть, со своим подходом. И там, где я говорю завоевание, я уверен: где война, там завоевание. А где нет войны, там нет завоевания. А где, раз мы так заговорили, восстание Кенесары, восстание Сырыма, давайте смотреть более пристально, потому что не все эти восстания одномоментны, они протяженны во времени. Там в разное время доминируют разные сюжеты. И где-то это против правительства России, где-то за, а где-то внутренние разборки. И поэтому сейчас в Казахстане по-настоящему профессиональные историки уже уходят от терминов «национально-освободительное движение», а где-то уже смотрят поглубже. И это, действительно, надо учитывать, чтобы потом нам не переписывать свои труды, не выглядеть, как сегодня уже звучало или вчера: «Я упоминаю об этих историках только потому, что они истратили на себя килограммы бумаги и типографской краски». Думаю, каждый из нас хочет, чтобы его жизнь продолжилась после него и в том, чем мы профессионально занимаемся.